

© 2016 г.

В.В. СОГРИН

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБОБЩЕНИЕ ИСТОРИИ МИРОВЫХ ВОЙН (о книге В.П. Смирнова)

Вышло в свет новое исследование Заслуженного профессора МГУ, лауреата премии им. М.В. Ломоносова д.и.н., проф. В.П. Смирнова, посвященное мировым войнам XX века¹. В.П. Смирнов давно и прочно утвердился в ряду крупнейших отечественных исследователей всеобщей истории. Две темы являлись центральными в его научном творчестве, охватывающем более шести десятков лет. Первая – история Франции, а вторая – мировые войны XX в. В изучении каждой темы он добился весомых научных результатов, стал признанным авторитетом в глазах профессионального сообщества. С начала исследовательского пути у Владислава Павловича определилось творческое лицо, обеспечивающее научный успех. Это принципиальная твердая приверженность историческому факту, глубоко осмысленная и выверенная подача “удобных” и “не удобных” для исследовательской концепции событий. Это блестящий и изящный литературный стиль, вовлекающий в, казалось бы, сугубо научное изложение материала не только специалистов, но и широкого читателя, порой впервые знакомящегося с предлагаемым исследовательским сюжетом. Наконец, это постоянная и глубокая включенность в мировой и национальный историографический процесс, творческое интегрирование его позитивных новаций в собственное творчество. Благодаря своим творческим качествам, Владислав Павлович неизменно и в советский, и в постсоветский периоды сохраняет место в первом ряду отечественных историков.

Важнейшее отличие постсоветского периода историографии от советского заключено в развитии плюрализма, обернувшегося многообразием концепций, заключений, оценок и суждений. При этом многие участники нового историографического дискурса убеждены, что именно им принадлежит историческая истина, подчас, не стесняясь, наклеивают сторонникам иных взглядов уничижительные ярлыки, а то и требуют отлучить их от историографической дискуссии. Большинство таковых – это не профессиональные историки, а дилетанты, публицисты, нередко политики, навязывающие удобную их позиции картину прошлого в качестве матрицы исторического знания для общества. Разобраться в этом плюрализме не просто, но необходимо, если мы хотим отделить “зерно” от “плевел”, уяснить для профессионального сообщества, какие участники и направления действительно стремятся постичь истину, а какие озабочены собственной идеологической победой.

Рассматривая этот вопрос, предлагаю опереться на дифференциацию исторического знания мировой профессиональной историографией. Современным мировым академическим сообществом одобрена идентификация историографии с исторической культурой и разбивка ее на несколько различающихся субкультур. Среди них в

Согрин Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН.

¹ *Смирнов В.П.* Две войны – одна победа. М.: АСТ-Пресс книга, 2015, 416 с.

качестве важнейших выделяю три. Это *народная субкультура*, отражающая восприятие истории массовым общественным сознанием. Это *государственно-политическая субкультура*, созданная в той или иной мере при посредстве государственного заказа или партийными публицистами и идеологами. Это *научная академическая субкультура*, созданная профессионалами на основе документальных источников и научных дисциплинарных критериев. Я считаю научной только третью субкультуру исторического знания и только ее называю исторической наукой². Но она не может игнорировать другие субкультуры, должна вступать с ними в диалог, по мере возможности утверждать свой подход, пытаться спасти историю от участи, которую в конце пути пессимистически постулировал лучший американский историк XX в. Ч. Бирд: “История? Да это кот, которого тащат за хвост туда, куда он меньше всего хочет идти сам”.

Новая книга В.П. Смирнова, как и все его предыдущие работы, безусловно, принадлежит к научной историографической субкультуре. Владислав Павлович не отгораживается от иных субкультур и точек зрения, а создает с ними режим диалога, иногда открытого, подчас латентного, учитывающего всю актуальность и дискуссионность избранных им тем. А их актуальность в последние годы находилась на своем пике. В 2014 г. отмечалось 100-летие начала Первой мировой войны, а в 2015 г. – 70-летие окончания Второй мировой войны. Общественно-историческим и историографическим контекстами обоих событий Владислав Павлович владеет в полной мере, пытаясь своей работой утверждать научное объективное знание о двух мировых событиях XX в. Делает это в присущей ему не навязчивой, изящной и деликатной манере, но в то же время четко донося собственную принципиальную позицию.

Приступая к анализу Первой мировой войны, автор дает емкие характеристики как зарубежной, так и отечественной историографии. Признавая наличие многих глубоких профессиональных исследований в зарубежной исторической науке, он вместе с тем отмечает, что историческому знанию главных стран-победительниц присущ подчеркнутый интерес к Западному фронту, гораздо меньшее внимание к Восточному фронту, преувеличение вклада в победу Соединенных Штатов, вступивших в войну в ее последний год. В вопросе о причинах войны зарубежная историография разделилась на “антантофильское” и “германофильское” направления: первое подчеркивало вину Германии и Австро-Венгрии в развязывании мировой катастрофы, а второе возлагало ответственность на противника, особенно Россию и Сербию, не желавших будто бы при зарождении кризиса мирного урегулирования с Австро-Венгрией (с. 11, 37).

Для советской историографии установочное значение имела ленинская теория империализма, выводившая войну из неустранимых противоречий между стремившимися к мировому господству и переделу колоний империалистическими странами. В то же время в 20-е годы М.Н. Покровский выпячивал ответственность за начало войны царского режима, озабоченного захватом черноморских проливов, и Сербию, провоцировавшую Австро-Венгрию. Оппонентов у Покровского и его последователей было немного, главным их выразителем выступал Е.В. Тарле, склонявшийся к “антантофильскому” направлению. В 30-е годы “школа Покровского” была закрыта решениями сверху, а на ведущую позицию выдвинулись историки, возлагавшие главную вину на Германию и Австро-Венгрию. В этом чувствовалось влияние политической конъюнктуры. Но со временем полностью восторжествовала ленинская концепция общей ответственности империалистических стран за развязывание катастрофы. В постсоветский период историки уделили большее внимание субъективным факторам мировой войны, ряд среди них, увлекшись идеей исторической альтернативности, искали доказательства того, что войны “могло бы и не быть” (с. 38).

Очевидно, что советские историки испытывали влияние меняющихся исторических обстоятельств и установок “сверху”. Но преодолено ли оно сегодня? Владислав Павлович обошел этот острый вопрос, я же считаю важным кратко на него ответить.

² Согрин В.В. Три исторические субкультуры постсоветской России. – Общественные науки и современность, 2013, № 3.

Это актуально по той причине, что воздействие презентизма на историю отнюдь не ослабевает. На современном этапе в политической и исторической публицистике распространилось желание возложить вину за развязывание Первой мировой войны на англо-саксонские страны, особенно на США. Адептами презентистского подхода выступают подчас историки с научными степенями. Так, один из ведущих публичных историков, доктор исторических наук, в телевизионной передаче, посвященной столетию Первой мировой войны доказывала, что война была инспирирована США в целях уничтожения Великой православной монархии, т.е. России, и Вашингтон добился своей цели вкупе с В.И. Лениным и большевиками.

В.П. Смирнов, предлагая собственный анализ происхождения Первой мировой войны, приводит фундаментальные причины, в отношении которых в профессиональном сообществе сложился фактический консенсус. Это глубокие территориальные, экономические, военно-политические конфликты между государствами, прежде всего великими державами – Германией, Англией, Австро-Венгрией, Францией, Россией, Японией и США, каждая из которых претендовала на приоритет своих интересов в сложившемся миропорядке. Но, артикулируя собственный исследовательский подход, автор пишет: “Несомненно, конфликты между государствами, разгул милитаризма и шовинизма способствовали подготовке и возникновению Первой мировой войны, однако подготовка к войне это еще не война. Война подразумевает военные действия крупных вооруженных сил, которые начинаются только по приказу руководителей государств” (с. 37). И он дает детальный анализ деяний и “приказов” руководителей великих держав, сделавших мировую войну исторической реальностью.

Поиск и осмысление этих “приказов” приводит автора к раскрытию конкретных действий руководителей трех империй – Австро-Венгрии, Германии, России. Завязкой-поводом было убийство сербом Г. Принципом на территории Хорватии австрийского наследника престола Ф. Фердинанда 28 июня 1914 г. Автор приводит убедительные фактические доказательства того, что руководители Австрии во главе с императором Ф. Иосифом использовали это событие как повод для расправы с Сербией, в “которой они видели своего главного соперника на Балканах” (с. 16). Не Сербия провоцировала Австрию, а Австрия Сербию. Австрийцы быстро заручились поддержкой германского императора Вильгельма II. Глава Германии взял руководство раскручиванием конфликта в свои руки и в посланиях Ф. Иосифу недвусмысленно давал понять, что “готов поддержать Австро-Венгрию в войне с Сербией и даже в войне с Россией, при этом настоятельно рекомендуя австрийцам ускорить нападение на Сербию” (с. 18). Его командная рекомендация включала фразу “Теперь или никогда”, означавшая, что Германия была преисполнена решимости при помощи войны разрубить в свою пользу сложный узел международных противоречий. Не все представители германской элиты поддерживали роковой выбор императора, а германский посол в России 1 августа 1914 г. вручал российскому министру иностранных дел ноту об объявлении войны со слезами на глазах. Это не меняло сути: “спусковой крючок” мировой войны нажала Германия.

Пристальное внимание уделено в книге складыванию военно-политических блоков, внутривнутриполитическим перипетиям в странах – участницах мировой драмы. Одни были в большей, другие в меньшей степени готовы к войне, но господствующим во всех них настроением общественности и народных масс был ура-патриотизм, единение в национально-державном порыве всех, даже классов – антагонистов и непримиримых, казалось бы, политических оппонентов. Социал-демократы, клявшиеся прежде в непримиримой оппозиции имперским амбициям своих государств, теперь подставили плечо собственным отечествам, независимо от их блоковой принадлежности. Исключением были немногочисленные радикальные социалисты, среди них российские большевики во главе с В.И. Лениным.

Емко, с разбивкой по годам изложены в книге события на фронтах Первой мировой, при этом полнокровно охарактеризованы перипетии на Восточном и Западном фронтах, как и на “периферии” военных действий. Показателем объективности автора

является то, что он называет “выдающимися” или “бездарными” военачальников, независимо от их страновой принадлежности, а опираясь исключительно на конкретные результаты их стратегий, осуществленных операций. Взвешенно и всесторонне рассмотрены военные действия российской стороны, а итоговая оценка, складывающаяся у читателя, состоит в том, что во всех отношениях Россия была к войне не готова. Это запечатлелось в парадоксальном результате войны: крушение ожидало не только три империи германского блока, но и четвертую империю, российскую, участницу Антанты.

Война предстает в книге как эпохальный рубеж мировой истории, разделивший ее на новую и новейшую историю. В этом вопросе В.П. Смирнов принимает позицию тех современных отечественных авторов, которые отошли от ортодоксии советского времени, признававшей таковым Октябрьскую революцию 1917 г. в России. Лаконично, но вместе с тем аргументированно показано в книге, что именно война вызвала к жизни последующие эпохальные исторические тенденции и явления. Раскрыты они на примере всех основных стран, участвовавших в войне. И здесь Владислав Павлович преодолевает ряд догм, присутствовавших в советской историографии. Например, то, что Ноябрьская революция 1918 г. в Германии была социалистической, пусть и потерпевшей поражение. На самом деле она была буржуазно-демократической, ибо на таковую нацеливалось большинство населения и социал-демократов, а германские радикальные социалисты, в отличие от русских большевиков, не имели никаких шансов возглавить магистральный порыв народа. Но в некоторых вопросах, причем принципиально важных, автор придерживается концепций советского периода. И здесь он вступает в дискуссию уже с постсоветскими историко-политическими оценками, приобретшими большее влияние, оттеснившими прежние с ведущей позиции.

Речь идет ни много ни мало о причинах краха в период войны российской империи. В постсоветской историко-политической мысли на ведущую позицию выдвинулось то утверждение, что империя рухнула не вследствие своей порочности, а по причине происков внутренних врагов. К таковым вначале относили, причем, как “почвенники”, так и либералы, Ленина и большевиков, а с 2000-х годов основную вину возложили уже на либералов. Главным авторитетом в развитии этой концепции следует, на мой взгляд, признать А.И. Солженицына. В 2000-е годы он переключился с критики “Красного колеса” и Октября 1917 г. на критику Февраля 1917 г. В пространной статье, опубликованной в 2007 г. в правительственной “Российской газете” по случаю 90-летия Февраля, он изъяснился предельно четко: “В ночь с 1 на 2 марта Петроград проиграл саму Россию – и больше чем на семьдесят пять лет”³. Российская империя стала идеализироваться Солженицыным еще раньше. В 1990-е годы он писал: “Россия перед войной 1914 года была страной с цветущим производством, в быстром росте, с гибкой децентрализованной экономикой, без стеснения жителей в выборе экономических занятий, было положено начало рабочего законодательства, а материальное положение крестьян настолько благополучно, как оно никогда не было при советской власти. Газеты были свободны от предварительной политической цензуры (даже и во время войны), существовала полная свобода культуры, интеллигенция была свободная в своей деятельности, исповедание любых взглядов и религий не было воспрещено, а высшие учебные заведения имели неприкосновенную автономность. Многонациональная Россия не знала национальных депортаций и вооруженного сепаратистского движения”⁴. Россия и монархия, согласно Солженицыну, сохраняли величие и в годы Первой мировой войны, но были преданы в Феврале экономической, политической, культурной и религиозной элитой.

У Александра Исаевича появились сторонники, в том числе из властных кругов. В.А. Никонов, известный политик и доктор исторических наук, развивая солженицын-

³ Солженицын А. Размышления над Февральской революцией. – Российская газета, 27.XII.2007, с. 10.

⁴ Солженицын А. Публицистика, в 3-х т. Ярославль, 1995, т. 1, с. 345.

ский приговор Февралю 1917 г. и Временному правительству, расставлял точки над “и”: “Всех будущих министров объединяла принадлежность к Земгору, ВПК, Прогрессивному блоку. И все они, как потом выяснилось, состояли в масонских ложах... В свержении власти императора сыграли роль и внешние силы... К моменту революции Россия была готова в военном и экономическом отношении к успешному продолжению военных действий... Голод и разорение России зимой 1916/1917 года не грозили, хлеба хватало, промышленность росла... Если выявить социальный слой, в наибольшей степени приближавший революцию, то им окажется интеллигенция... В подготовке революции приняло участие большинство российских политических партий в спектре от октябристов до большевиков. Решающую роль сыграли либералы... Легитимацию перевороту дала Дума... Временное правительство разрушило российскую государственность”⁵.

Совокупность фактов, собранных и приведенных В.П. Смирновым, дает убедительное основание для абсолютно противоположных выводов, которые-то и представляются соответствующими исторической истине, а не презентистской идеологической доктрине: «В конце 1916 – начале 1917 г. в России наступил глубокий экономический и политический кризис. Колоссальные потери, развал экономики, недостаток продовольствия вызывали недовольство во всех слоях общества. Армия устала воевать. Солдаты больше не хотели умирать “за веру, царя, Отечество”... Падение монархии вызвало бурное ликование большинства населения России. Во многих городах проходили митинги, демонстрации, народные гуляния» (с. 59, 69). Смена царского режима Временным правительством отразила чаянья народа, низов и верхов России.

Но либеральная революция по воле исторических обстоятельств, главным среди которых оказалась неспособность Временного правительства воплотить чаянья народа в политической практике, перешла в антибуржуазное русло. Рассматривая эту перипетию, В.П. Смирнов отвергает постсоветские исторические мифы, а на поверку перепев стародавних антибольшевистских идеологов. Ленин не был германским шпионом или хотя бы “агентом влияния”. Он воспользовался германской помощью при переезде в Россию, но руководствовался при этом классическим политическим мотивом – “все средства хороши для достижения цели”. В случае с Лениным – цели завоевания власти большевиками и свершения уже не антимонархической, а антибуржуазной революции (с. 81). В параграфе, озаглавленном “Великая революция или большевистский переворот?”, В.П. Смирнов доказывает, что нелегитимный приход большевиков к власти, так же как и февральская смена царского режима Временным правительством, имели фундаментальные признаки революции: «Под “государственным переворотом” обычно понимают захват власти сравнительно небольшой группой заговорщиков, смену правящей верхушки без участия населения при сохранении прежнего общественного и государственного строя... Напротив, революция – это массовое, во многом стихийное движение, охватывающее почти все население, имеющее целью ликвидацию прежнего общественного порядка. Февральская и Октябрьская революции были именно такими массовыми революциями, а не верхушечными переворотами... Обе эти революции глубоко изменили жизнь общества, буквально перевернули прежнюю систему ценностей» (с. 92).

Одним из “белых пятен” отечественной историографии Первой мировой войны остается роль в ней Соединенных Штатов Америки. В какой степени вступление США в войну повлияло на исход войны в пользу Антанты и не оказалось ли оно важнейшим фактором поражения германского блока даже после сепаратного мира Советской России и Германии в марте 1918 г., когда, казалось бы, у последней появились реальные шансы на успех? Почему вместо этого уже через полгода последовал крах германского блока? Эти вопросы остаются не проясненными, исчерпывающие ответы требуют са-

⁵ Никонов В.А. Крушение империи. Почему за несколько дней была разрушена российская государственность. – Российская газета, 16.III.2007.

мостоятельного исследования, но в книге В.П. Смирнова предпринята одна из первых попыток осветить его при помощи конкретных фактов.

После заключения Брестского мира Германия перешла в наступление на Западном фронте. В конце марта 1918 г. ее войска стояли в 70 километрах от Парижа, и Большая Берта с дальностью стрельбы в 120 км начала обстреливать французскую столицу. Французами овладела паника. Но Антанте удалось свершить судьбоносный перелом в свою пользу, и роль американцев была очевидна: “На помощь армиям Антанты начали прибывать американские войска. Вопреки расчетам Людендорфа, американцы перебрасывали в Европу не по 100, а по 200 тыс. солдат, причем не в год, как предполагал Людендорф, а каждый месяц. К лету 1918 г. во Франции уже находилось около миллиона американских солдат и офицеров – в 10 раз больше, чем рассчитывали немцы” (с. 101–102). В августе 1918 г. в решающей битве у города Амьена, где двумя годами раньше Антанта пыталась безуспешно преодолеть оборону немцев, союзники с участием США имели сокрушительное превосходство в живой силе, танках, артиллерии, самолетах: “К осени 1918 г. численность американских войск во Франции, которыми командовал генерал Джон Першинг, достигла 2 млн человек. Вместе с английскими и французскими войсками это была такая колоссальная сила, которой Германия ничего не могла противопоставить” (с. 102–103).

С учетом того, что США являлись также главным кредитором Антанты, президент Соединенных Штатов В. Вильсон возомнил себя мировой фигурой № 1, способным утвердить новый миропорядок под верховенством своей страны. Да и многие европейцы, когда он прибыл для участия в Парижской мирной конференции, воспринимали его как мессию. Вильсоновская концепция включала следующие положения: 1) Создание новой системы международных отношений, в которой все конфликты разрешаются посредством коллективного мнения и коллективного мирового органа – Лиги Наций. 2) Признание американских либерально-демократических ценностей универсальными, реализуемыми в любой точке земного шара. 3) Признание за США роли морально-этического мессии и негласного поводыря мирового сообщества. 4) Признание права наций на самоопределение с условием законного, соответствующего либерально-демократическим (т.е. американским) канонам формирования их государственности. 5) Закрепление доктрины “открытых дверей” в качестве основополагающей в мировых экономических отношениях.

Объективно вильсоновский план являлся альтернативой ленинской концепции мировой коммунистической революции, но также англо-французскому плану, предполагавшему передачу Англии и Франции, считавших именно себя главными победителями в мировой войне, колоний поверженных империй, как и утверждения их мирового лидерства. Верх на Парижской мирной конференции сумели взять Англия и Франция. Лидер большевиков В.И. Ленин подытожил итоги политических дискуссий на Парижской конференции в присущей ему манере: “Идеализированная демократическая республика Вильсона оказалась на деле формой самого бешеного империализма, самого бесстыдного угнетения и удушения слабых и малых народов”⁶. В.П. Смирнов этой формулировки не использует и не приводит ее, но неудача Вильсона – миротворца охарактеризована им точно и всесторонне и проиллюстрирована при помощи арифметической выкладки западного эксперта: только 4 из 14 пунктов Вильсона были так или иначе включены в мирные договоры (с. 122).

Самый чувствительный удар Вильсон получил в дискуссиях вокруг Лиги Наций. Идея Лиги Наций была для американского президента излюбленной. Именно в ней он видел точку опоры, с помощью которой надеялся перевернуть систему международных отношений, избавиться от ее прежнего порочного “конька” – равновесия сил, заменив его коллективной ответственностью мирового сообщества под главенством США. В момент образования Лиги Наций в ней было более 40 государств, а в конце ее существования их насчитывалось более 60. Но в обоих случаях среди них не было

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 192–193.

США, главного инициатора Лиги. Вступление США в Лигу отказался поддержать американский сенат, согласие которого было необходимо в соответствии с Конституцией Соединенных Штатов. Решение сената стало для Вильсона тяжелейшим ударом, явившимся, по мнению многих, причиной его тяжелейшего инсульта в сентябре 1919 г. и преждевременной кончины в возрасте 67 лет. Верх в США взяли реалисты – изоляционисты, признавшие стратегию Вильсона утопичной и посчитавшие, что Соединенным Штатам необходимо следовать безблоковой политике, сохранять “свободу рук” и реализовывать национальные интересы соразмерно собственной военно-политической мощи. Но вильсоновский проект одержал верх в США в период Второй мировой войны, когда за его осуществление взялся последователь Вильсона Ф.Д. Рузвельт.

Обращаясь к теме происхождения Второй мировой войны, В.П. Смирнов увязывает ее фундаментальную причину с итогами Версальского мира, пронизанного унижительными для Германии репрессивными мерами. В отечественной историографии постсоветского периода появились иные оценки, например та, что германский реваншизм был ответом не на Версаль, а на российский Октябрь и мировую коммунистическую угрозу и что, следовательно, если бы их не было, не случилось бы и новой мировой войны. Эту умозрительно идеологическую схему В.П. Смирнов не называет, но включает в свою концепцию контраргументы, как и использует для ее подтверждения множество упрямых фактов. Он также стремится к максимально всеохватывающему анализу происхождения Второй мировой войны, включая в него “новые противоречия, которых не было перед Первой мировой войной: с одной стороны, противоречия между демократическими и фашистскими государствами, с другой – между капиталистическими странами и Советским Союзом” (с. 144). Раскрытие совокупности объективных факторов и причин новой мировой трагедии дополняется равно важным анализом субъективного фактора. Для Владислава Павловича принципиален вопрос о том, “кто нажал спусковой крючок”. И здесь он указывает на важную историческую особенность: “Но если в цепи возникновения событий, которая привела к Первой мировой войне, был элемент случайности, связанный с выстрелами Гаврилы Принципа, то Вторую мировую войну планомерно готовили фашистские и милитаристские государства” (с. 144).

Основной целью фашистской экспансии, как она определялась Гитлером, была Россия по причине этнической и идеологической (славяне – “низшая раса”; управляется “евреями – марксистами”). Второй главный противник – демократия в лице, в первую очередь, Франции, а также Англии (с. 11, 159). Те нынешние отечественные ревизионисты, которые полагают, что если бы не было коммунизма, не было бы Второй мировой войны, заблуждаются по той очевидной причине, что при отсутствии такового Гитлер и его союзники сосредоточились бы на искоренении “раковой опухоли” демократии. Имея двух главных врагов, Гитлер должен был выбирать, кого подвергнуть нападению в первую очередь. Так что гитлеровская реалполитик строилась на вычислении “слабого звена” среди двух антагонистических систем. А каждая из этих систем строила свою реалполитик в отношении с Германией, преследуя цель перенаправить ненависть иррационального политического дьявола на своего антагониста.

Эта логика генезиса Второй мировой войны, вытекающая из убедительного анализа В.П. Смирнова, позволяет найти верный ключ к пониманию внешнеполитической стратегии как советского лидера И.В. Сталина, так и руководителей Франции и Англии. Попытки нынешних российских историков-ревизионистов судить о внешней политике Сталина с морально-нравственных позиций, противопоставляя ей в качестве образца внешнюю политику европейских демократий, выглядят наивно и не профессионально. Морально-нравственных игроков в европейской внешней политике межвоенной эпохи не было, что называется, по определению. Источником зла были фашизм и плененная им Германия, а две других системы – коммунистическая и демократическая – в равной степени использовали принцип “все средства хороши для достижения цели”, каковой являлось собственное выживание за счет жертвоприношения дьяволу своего антагониста. В случае Франции и Англии – Советского Союза, а в

случае Советского Союза – Франции и Англии. Другое дело, что истории было угодно в конечном итоге объединить коммунизм и демократию на четыре года для борьбы с дьяволом. Но это было следствием и фатальной ошибки гитлеровской Германии, оказавшейся из-за идеологического максимализма – уничтожение и коммунизма, и демократии – неспособной извлечь уроки Первой мировой войны – успех в войне на два фронта невозможен. Гитлер повторил ошибку Вильгельма II, его страна “наступила на одни и те же грабли”.

Сказанное является умозаключением по тем материалам, которые приводятся В.П. Смирновым в разделах, посвященных вызреванию Второй мировой войны. На мой взгляд, главное свойство этих разделов – объективный, лишенный субъективистских перекосов анализ внешней политики трех внешнеполитических игроков – гитлеровской Германии, сталинского СССР, либерально-капиталистических Франции и Германии. Рассмотрение внешнеполитических перипетий в ракурсе сослагательного наклонения “что было бы, если бы” для Владислава Павловича исключено. Морально-нравственная альтернатива не равнозначна альтернативе исторической. Система коллективной безопасности Франции, ее союзников и СССР не могла оформиться по причине органического антисоветизма французского союзника Польши. Антифашистский союз Англии и Франции, с одной стороны, и Советского Союза, с другой не мог состояться не только из-за неверия в искренность европейских демократий Сталина, но и из-за латентного, а для Сталина очевидного желания демократий направить фашистскую агрессию на коммунистическое государство.

Но понимание переполненной циничного расчета исторической практики не равносильно ее оправданию. Владислав Павлович чужд оправдания как франко-английской политики “умиротворения” Гитлера, апофеозом которой был Мюнхен 1938 г. и “сдача” демократической Чехословакии, так и советско-германского пакта 1939 г., повлекшего раздел Польши между фашистским и коммунистическим государствами. Но он стремится к полнокровному пониманию причин и логики двух геополитических решений. Англией и Францией двигали два страха – страх перед германским фашизмом, который они пытались смягчить “умиротворением” Гитлера, и боязнь советского коммунизма, который они надеялись ликвидировать при помощи германского “кулака”. Не оправдывает он и советско-германского пакта, считая вместе с тем необходимым всесторонне объяснить геополитические механизмы его происхождения, которые-то, а не мораль и нравственность являются пружиной внешнеполитической реалполитик. Это тем более важно, что в постсоветский период появились авторы, среди них приобретший популярность у читателей бывший советский разведчик В. Резун (Виктор Суворов), которые стали доказывать, что Советский Союз был соучастником и даже инициатором Второй мировой войны. Дискутируя с ревизионистами при помощи неопровержимых фактов, как и научного объяснения мотивов принятия внешнеполитических решений, Владислав Павлович обобщает собственное видение советско-германского пакта: “Подводя итоги, можно сказать, что секретный протокол 23 августа 1939 г., нарушавший суверенитет ряда государств, безусловно, заслуживает осуждения с моральной и юридической точек зрения. В геополитическом отношении он отвечал ближайшим государственным интересам СССР, как их традиционно понимали политики, дипломаты и военные, но полученные таким образом выгоды оказались во многом иллюзорными” (с. 210).

Иллюзорность являлась в значительной мере следствием внутрисполитической репрессивной политики Сталина, ослаблявшей боеспособность Советской Армии и деморализовавшей общество в целом. В отличие от современных реаниматоров сталинизма, например бывшего диссидента А.А. Зиновьева, доказывавшего в постсоветский период, что сталинские репрессии, разрушавшие “пятую колонну”, подготавливали успех Советского Союза в Великой Отечественной войне, Владислав Павлович показывает, что репрессии и пестование страха в советском обществе наносили ему непоправимый ущерб. Индустриализация и коллективизация “любой ценой”, уничтожение большей части маршалов и высшего командного состава армии явились важ-

ной причиной истощения и качественного ослабления людских резервов советского государства в годы, непосредственно предшествовавшие войне СССР с фашистской Германией. Приводя цифры репрессий, В.П. Смирнов опирается на данные архивных фондов Министерства государственной безопасности Российской Федерации 1992 г., обнародованные самим министерством, и на данные, приведенные в 1996 г. бывшим председателем Комитета государственной безопасности СССР и одним из организаторов августовского путча 1991 г. В.А. Крючковым. Данные несколько расходятся, но в целом близки и из них явствует, что репрессиям подверглось около 4 млн человек, из них около 800 тыс. приговорены к расстрелу (с. 153). Цифры актуальны по той причине, что в сегодняшней России наряду с теми, кто оправдывает репрессии, есть те, кто доказывает, что их не было вообще. Но репрессии были, приобретали в пятилетие перед Второй мировой войной все более массовый и жестокий характер, ударили и по гражданскому населению и по военным. Вследствие них командный состав Красной Армии был предельно ослаблен: “К началу войны около 75% командиров и 70% политработников находились на своих должностях менее года” (с. 287).

10 лет назад в книге, посвященной Второй мировой войне, В.П. Смирнов, разделив ее на два главных этапа – до 22 июня 1941 г. и после – одним из первых среди отечественных историков дал всесторонний и нелицеприятный для СССР анализ сталинской внешней политики первого этапа. Фактически сталинская реалполитик была откровенно враждебна действиям европейских демократий, вступивших в войну с Германией, и благоприятствующей гитлеровскому их разгрому. Суть ее заключалась в том, что война Германии против западных демократий сталкивала лбами две анти-советские системы и оттягивала крестовый поход Гитлера против коммунизма. Сталину нравилось выступать в классической английской роли “смеющегося третьего” и наблюдать, как его главные враги истощают и истребляют друг друга⁷. Казалось бы, события развивались по такому сценарию. 22 июня 1940 г., через 10 с половиной месяцев после начала войны, Франция прекратила сопротивление Германии, подписав самую позорную в своей истории капитуляцию. А малые европейские демократии были разгромлены Гитлером в мгновение ока. Сопротивление продолжала оказывать одна Англия, действовавшая, однако, настолько успешно, что Гитлер во второй половине 1940 г. решил радикально изменить стратегию борьбы против двух главных в его глазах зол и разгромить блицкригом менее подготовленный, с его точки зрения, к вооруженному сопротивлению советский коммунизм, а уже потом покончить со строптивой английской демократией.

Стратегическое сальто-мортале Гитлера оказалось для Сталина феноменом абсолютно непредсказуемым, объясняющим его упорный отказ вплоть до 22 июня 1941 г. верить в возможность внезапного нападения Германии на СССР, которую многократно обозначили в секретных донесениях советские разведчики. Но после 22 июня 1941 г. радикальный переворот случился уже с внешнеполитической стратегией Сталина. В течение считанных месяцев Советский Союз переориентировался на тесно дружеские отношения с западными демократиями и в течение четырех лет, т.е. второго этапа мировой войны, пестовал союзнические отношения с вчерашними антагонистами.

История второго этапа мировой войны, а для Советского Союза Великой Отечественной войны, рассмотрена В.П. Смирновым с присущим ему профессионализмом. Выделены и глубоко раскрыты главные темы: военные операции СССР, Англии и США, с упором на эпохальные события на советско-германском фронте, имевших решающее значение для исхода войны; работа тыла, в первую очередь советского; движение Сопротивления в западных странах; гитлеровский “новый порядок” и его особенности на оккупированных территориях разных стран, включая СССР; взаимоотношения внутри союзнической “Большой тройки” – СССР, США, Великобритания.

Высоко оценивая рассмотрение Владиславом Павловичем всех этих тем, останавлиюсь подробно на последней теме, ибо в последние годы именно она оказалась

⁷ Смирнов В.П. Краткая история Второй мировой войны. М., 2005, с. 63–104.

в центре научных, а особенно идеологических дискуссий. В связи с резким обострением, начиная с 2014 г., российско-американских отношений, в пропагандистской субкультуре отечественной исторической мысли отчетливо зазвучала та идея, что англосаксонские страны во все времена были русофобскими, а в период Второй мировой войны они, в первую очередь их гегемон Соединенные Штаты, ставили целью победу не над Германией, а над... СССР. Кому-то из читателей это утверждение может показаться домыслом автора статьи, но автору во время празднования 70-летия высадки союзников СССР в Нормандии довелось на одном из общероссийских телеканалов непосредственно участвовать в дискуссии, в которой В.Ю. Крашенинникова, ведущий в пропагандистской субкультуре специалист по США, кандидат исторических наук, член Общественной палаты Российской Федерации, безапелляционно заявила, что США осуществили высадку во Францию исключительно в целях опережения СССР в оккупации Германии. И что вообще целью США во Второй мировой войне было ослабление СССР, а не победа над Германией.

22 июня 1941 г. в конфигурации Второй мировой войны произошла радикальная перемена. Некоторые влиятельные политики США, среди них будущий президент страны Г. Трумэн, полагали, что теперь уже американцам следует занять позицию “смеющегося третьего” и предоставить фашизму и коммунизму уничтожать друг друга. Но руководителем страны был не Трумэн, а Рузвельт, который 24 июня твердо заявил: “Мы предоставим России всю помощь, которую мы сможем”. Фактически он слово в слово повторил фразу У. Черчилля, произнесенную последним вечером 22 июня. Два западных лидера не любили коммунизм, но стратегический расчет привел обоих к антифашистскому альянсу с СССР. С идеологической точки зрения этот альянс был не менее противоестествен, чем советско-германский пакт 23 августа 1939 г. В обоих случаях решающую роль сыграла реалполитик. Но ее роль стала в отношениях “Большой тройки” – СССР, США, Англия, доминирующей, и западные демократии искренне хотели разгрома фашистской Германии, а не поражения СССР.

Антифашистский альянс складывался, как убедительно показывает В.П. Смирнов, преодолевая перипетии, шаг за шагом, посредством стратегических и тактических договоренностей, уступок, компромиссов. При этом ни Черчилль, ни Рузвельт не жертвовали демократическими принципами, а Сталин, как не парадоксально, часто их одобрял. Объяснение лежит на поверхности: в обмен Сталин получал от демократических союзников важные геополитические уступки, а от США щедрую материальную помощь. Следующее объяснение заключается в том, что Сталин не придавал доктринам, вырабатывавшимся на перспективу, серьезного значения. Главным было добиться военно-стратегического успеха, а после этого политический торг мог быть возобновлен.

Первым и основополагающим демократическим документом, подготовленным совместно и подписанным Рузвельтом и Черчиллем, стала Атлантическая хартия. Она была одобрена в середине августа 1941 г. В Атлантической хартии либерально-демократические принципы США прямо предлагались в качестве матрицы мирового развития. По структуре, как и по содержанию, Атлантическая хартия перекликалась с “14 пунктами” В. Вильсона 1918 г. К концу сентября 1941 г. Атлантическая хартия была одобрена 15 государствами, включая СССР.

После того как в декабре 1941 г. США непосредственно и полнокровно вступили во Вторую мировую войну, антигитлеровская коалиция оформилась в виде союзнических отношений и обязательств. Постепенно обнаруживалось, что внутри тройки существует не только единство, но разногласия и противоборство. Между США и Великобританией единства было гораздо больше, нежели между каждой из этих стран и СССР. Но различия существовали и между двумя демократиями. На первом этапе существования антигитлеровской коалиции главным различием между Великобританией и США был вопрос об открытии второго фронта и стратегии военной помощи СССР. Черчилль и британский кабинет министров в осмыслении как времени, так и места открытия второго фронта, явно руководствовались собственными национальными и

имперскими соображениями. США по стратегическим и тактическим соображениям придерживались позиции, более благоприятной для Советского Союза. Разногласия между США и Великобританией не перечеркивают того, что их единство и союзнические отношения были гораздо теснее, нежели их партнерство с Советским Союзом. Но отношения Рузвельта со Сталиным были также очень важны, более того именно их две встречи (в Тегеране в ноябре – декабре 1943 г. и в Ялте в феврале 1945 г.), обе с участием Черчилля, стали подлинно судьбоносными как для мировой политики периода Второй мировой войны, так и для послевоенного мироустройства. Важность контактов и взаимодействия США с СССР на всех уровнях имела тенденцию усиливаться. По очевидной причине: СССР, одерживавший фантастические, немыслимые, как для американцев, так и для англичан, победы над вермахтом, превращался в мировую сверхдержаву, по своему реальному весу в мировой политике превосшедшую Великобританию. Рузвельт это осознавал и во все большей мере относился к СССР как к сверхдержаве, пусть и лишенной добродетелей, какими он наделял свою страну.

Взаимоотношения Рузвельта с Советским Союзом в период войны были неоднозначны, но единение и союзничество оказывалось сильнее и важнее подспудной неприязни, подозрений, противоборства. Лейтмотив Рузвельта в отношениях с СССР заключался в том, что без Советского Союза западным демократиям с мировым фашистским злом было не справиться, как не мог справиться с ним самостоятельно и Советский Союз. Поэтому западные демократии и коммунистический СССР должны были самым тесным образом сотрудничать и помогать друг другу. Ради этого Рузвельт был готов перестать называть СССР диктатурой, а Сталина диктатором. Более того, у него возникла вера, поначалу робкая, но со временем не ослабевавшая, а усиливавшаяся, что Советский Союз можно ввести в лоно демократической цивилизации. Нельзя не видеть и того, что в период Второй мировой войны Рузвельт, как и многие представители американской элиты и миллионы простых американцев, прониклись к СССР искренней симпатией, стали забывать о различиях между советской и американской системами. Еще в 1939 г., согласно социологическому опросу, большинство американских респондентов считали коммунизм большим злом, нежели фашизм. Но с лета 1941 г. кривая социологического мониторинга резко изменилась. Оптимизм, вера в возможность долгосрочного сотрудничества с СССР, достиг пика осенью 1943 г. (оптимистами были 54% опрошенных) и медленно пошел на спад с 1944 г.

Рузвельт исключал возможность поделиться с СССР планами разработки ядерного оружия, к которой США приступили с начала войны (от Черчилля это в секрете не держалось). Но и двойная игра с СССР для Рузвельта, как по меркам его политического реализма, так и по морально-нравственным соображениям, была опасна и неприемлема. Американский президент все более твердо исходил из того, что СССР, как и США, возвысился до положения сверхдержавы, а потому организация мирного и рационального миропорядка без тесного партнерского взаимодействия с ним невозможна не только во время войны, но и после нее. Надежным средством достижения этой цели являлось укрепление доверия между двумя странами. Особое значение Рузвельт придавал личным отношениям и контактам со Сталиным.

Отношение Рузвельта к СССР отражало позицию значительной части американской политической и военной элиты. Но отнюдь не всей ее. Негативную линию в отношении СССР обозначал госдепартамент. Однако вектор отношений с СССР определял Рузвельт. Реалистический подход характеризовал позицию Рузвельта во время его двух исторических встреч со Сталиным в Тегеране и Ялте. В Тегеране выяснилось, что в “Большой тройке” на самом деле главенствуют Рузвельт и Сталин. Сталин после триумфальной Сталинградской битвы чувствовал себя уверенно, и уступки ему были неизбежны. Рузвельт признавал это и делал все, чтобы расположить к себе советского лидера. Он демонстративно дистанцировался от Черчилля и очаровывал Сталина. Черчилль, как потом вспоминал Рузвельт, “багровел и выходил из себя, но чем больше он это делал, тем больше Сталин улыбался”. На следующий день после тесного общения со Сталиным Рузвельт впервые назвал его “дядя Джо” и завоевал, как ему показалось,

сердце восточного вождя. В Тегеране Рузвельт твердо пообещал Сталину открыть второй фронт в мае 1944 г., а Сталин в ответ заверил, что СССР откроет после победы над Гитлером собственный фронт против Японии. Относительно планов послевоенного мироустройства были достигнуты принципиальные договоренности. Подтверждалось коллективное руководство международным миропорядком через посредство Организации Объединенных Наций. Руководящая роль в поддержании международного мира отводилась рузвельтовским “четырем полицейским” – СССР, США, Великобритании, Китаю. В конце 1943 г. было ясно, что двумя “императорами” в четверке будут США и СССР. Территориальные претензии Сталина были Рузвельтом поддержаны. Он не возражал против включения Латвии, Литвы и Эстонии в состав СССР (правда, попросил Сталина провести среди прибалтийских народов по этому вопросу плебисцит, и Сталин согласился на такую меру, но “без международных наблюдателей”). Была воспринята сталинская концепция послевоенных границ Польши, как и передача СССР Восточной Пруссии с Кёнигсбергом. Уступкой со стороны “дяди Джо” был видимый отказ от мировой коммунистической революции (за полгода до Тегерана был распущен Коминтерн), что, конечно, не означало отказа Сталина от расширения, уже иными средствами, советской сферы влияния в мире.

Ялтинская конференция, проходившая 4–11 февраля 1945 г., в первую очередь ее итоги, вызвала ожесточенные споры в политических кругах США. Они были продолжены историками и сохраняют актуальность по нынешний день. В Соединенных Штатах громко звучал голос тех, кто объявил позицию Рузвельта, как минимум, ошибочной и, как максимум, предательской. Профессиональные исследователи уделяли пристальное внимание субъективным “ошибкам” Рузвельта. Другая часть политиков и исследователей исходила из того, что Рузвельт действовал в соответствии с буквой и духом политического реализма. Можно также привести известную оценку самого Рузвельта, что в Ялте он “сделал для поляков все, что было в его силах”. Как и сослаться на результат американских опросов общественного мнения, свидетельствовавших, что после ялтинской конференции не более 9% респондентов сомневались в справедливости ее решений.

Ялтинская конференция одобрила как фундаментальные принципы послевоенного мироустройства, так и конкретные решения по поводу завершающей фазы войны. Фундаментальный документ касался членства в Организации Объединенных Наций, созыв которой назначался на 25 апреля в США. СССР предоставлялись дополнительные места, которые должны были занять Украина и Белоруссия. В Совет Безопасности, выступавшего в качестве замены “Четырем полицейским”, предполагалось включить СССР, США, Великобританию, Китай и Францию. Каждый член Совета Безопасности по предложению СССР, поддержанному США, наделялся правом вето в отношении обсуждаемых решений.

Отдельная декларация конференции, ставшая впоследствии источником жесткой критики Западом Советского Союза, касалась Польши. Признавая, что новая ситуация в Польше определялась ее “полным освобождением Советской Армией”, декларация вместе с тем указывала, что созданное в результате “Временное правительство должно быть реорганизовано на широкой демократической основе с включением в него демократических лидеров, находящихся как в самой Польше, так и в эмиграции”. И далее: “Это новое правительство должно после этого именоваться Польским временным правительством Национального единства”... оно “должно взять обязательство проведения свободных выборов в максимально короткие сроки на основе всеобщего избирательного права и тайного голосования”, при этом в выборах “имеют право участвовать и выдвигать кандидатов все демократические и антинацистские партии”.

События после Ялты свидетельствовали, что ее решения применительно территории Европы, занятой Советской Армией, не оказались для Сталина обязательными. Сталин вел себя в освобожденной Восточной и Центральной Европе, как в своей законной сфере влияния, не обращая внимания на ялтинские обязательства. США отвечали собственными односторонними действиями, среди которых наиболее скан-

дальным оказался “бернский инцидент”. Весной 1945 г. американская разведка начала односторонние консультации с нацистами в Берне по вопросам капитуляции немцев в Италии. На возмущенный запрос по этому поводу советской стороны американцы отвечали уклончиво и обтекаемо. Но даже в этой ситуации Рузвельт искренне стремился восстановить доверие между ним и Сталиным. До своей кончины 12 апреля он убеждал себя и окружающих, что без партнерства с СССР сохранить прочный и длительный мир после победы над фашизмом не удастся.

Создается впечатление, что Рузвельт до конца дней верил в возможность изыскивать средства “приручения” СССР к идее мирового порядка по американским чертежам. В противном случае невозможно объяснить, почему он исповедовал не только целесообразность, но и реальность не просто сосуществования двух “тотально отличных” сверхдержав-победительниц, но их тесного сотрудничества. Представляется, что Рузвельт видел тому как объективное, так и субъективное основания. Объективное основание заключалось в том, что в годы войны США совершили мощный рывок не просто к лидерству, но к гегемонии и доминированию в мировой экономике. Рузвельту удалось свершить в сфере мировой экономики то, о чем В. Вильсон не мог даже мечтать в годы Первой мировой войны. Удельный вес США в мировой экономике за годы Второй мировой войны вырос с 20 до 50%. На завершающем этапе войны США создали прочные международные институты экономической гегемонии.

Субъективное основание заключалось в самом Рузвельте. Он никогда не был фаталистом и верил в способность человека менять ход истории. Политическому гроссмейстеру Рузвельту казалось, что, взаимодействуя со Сталиным в “лайковых перчатках”, используя экономическую зависимость Москвы от Вашингтона и обладая “сухим порохом” ядерного оружия, он сможет “полюбовно” управляться со второй мировой сверхдержавой. Судьба не дала ему возможности реально испытать объективное и субъективное основания американского “превосходства” над СССР.

Сомнительно, чтобы “фактор Рузвельта” принципиально повлиял на Сталина при подведении окончательных итогов Второй мировой войны, как и в послевоенном обустройстве Европы и мира. Но смерть Рузвельта оказала воздействие на отношения СССР и США. Миллионы советских людей искренне плакали и были уверены, что Россия потеряла лучшего зарубежного друга. Опасения советских руководителей по поводу последствий смены национального лидера в США не заставили себя долго ждать. Сменивший Рузвельта на президентском посту Г. Трумэн не был политическим гроссмейстером, а, тем более, уровня Рузвельта. Будучи, как и Рузвельт, приверженцем концепции “Американского века”, Трумэн не обладал желанием и искусством действовать в отношениях с Москвой в “лайковых перчатках”. Он с самого начала выказал намерение полагаться на силу. Когда 23 апреля 1945 г. В.М. Молотов, советский министр иностранных дел, впервые встретился в Вашингтоне с Трумэном, тот без промедления окатил московского союзника ушатом ледяной воды. Сам американский президент впоследствии горделиво отмечал, что нанес советскому министру сходу “двойной удар в челюсть”, жестко потребовав выполнять ялтинские соглашения.

“Холодная война”, начавшаяся сразу после Второй мировой войны, была predetermined внутренними свойствами двух главных союзников антигитлеровской коалиции – США и СССР. Разгром Третьего рейха высвободил гегемонистские устремления каждого союзника. Теперь оба нацелились бороться за мировое лидерство между собой. Но в годы Второй мировой войны их сотрудничество было искренним и плодотворным, а США, как и СССР, твердо нацеливались на разгром гитлеровского зла, а не на истребление или ослабление друг друга. Этот, как и другие выводы и обобщения, содержащиеся или вытекающие из глубокой, объективной, увлекательно и ясно написанной книги В.П. Смирнова, делают ее заметным событием в современной исторической науке.